

О. В. Мартышин²

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И «МИРОВЫЕ СТАНДАРТЫ» В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В каждой стране политическая и правовая культуры формируются в ходе взаимодействия внутреннего и внешнего факторов — национальной традиции и воз-

действия других культур. Первый фактор обычно преобладает, но в некоторых ситуациях он временно отступает на второй план. Национальные традиции определяют самобытность культуры, ее обособленность, а внешний фактор тяготеет к унификации. В основе самобытности лежит не только восприятие чужого опыта, но и общие закономерности развития государственно-правовых систем, так называемые мировые стандарты. В ходе истории происходит сближение, стирание различий, о чем свидетельствует процесс глобализации. Государствам, которые хотели бы сохранить свою самобытность, проводя политику изоляционизма, все

² Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Теория государства и права», «История политических учений», «Метафизические концепции права», «Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации», «Нравственные основы теории государства и права», «Идейно-политические основы современной российской государственности», «Революция и развитие российской государственности», «Конституция РФ 1993 г. и развитие теории государства и права» и др.

труднее противиться этому. Однако культурный обмен редко бывает равноправным. Как правило, в нем есть сильная и слабая, активная и пассивная стороны. Формы восприятия иностранной культуры различны — от добровольного заимствования идеи, норм и институтов через многообразные формы давления до прямого насильственного навязывания. Колониализм и империализм ранее выступали как эффективные способы глобализации.

То, что сегодня получило название «мировых стандартов», представляет собой продукт западной культуры. Для Европы и Северной Америки это опробованные, отшлифованные веками формы общественной жизни. Для Востока и Юга — продукт импорта, к которому нужно привыкнуть. Такова их историческая судьба. В эпоху Возрождения и Реформации Запад совершил рывок, в эпоху становления и экспансии капитализма закрепил успех и обрек другие страны на жизнь в двух разных измерениях, на разрыв между их социальным, экономическим и политическим бытом и веяниями европейской цивилизации.

Россия принадлежала к числу стран, которые находились под воздействием западных идей, усиленным географической, исторической и культурной близостью.

Н. Н. Алексеев, известный идеолог евразийства, писал, что в мифах о русской самобытности, начало которым положили славянофилы, истина переплетена с вымыслом¹. Проблема заключается в определении того, какие черты русской жизни обусловлены национальной спецификой, а какие — уровнем исторического развития.

Несмотря на идеализацию православной церкви, крестьянской общины, соборности (что можно отнести к мифологии), славянофилам, а именно К. С. Аксакову, удалось передать особенности отношения русского народа к государству и праву: «Россия никогда не обоготворяла права, никогда не верила в его совершенство», а «смотрела на него как на дело второстепенное, считая первостепенным делом веру и спасение души». «Русский народ есть народ негосударственный, то есть не стремящийся к государственности, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия».

Выражением этих взглядов стал славянофильский идеал абсолютной монархии с возрождением земских соборов, на которых народ выражал свое мнение, не покушаясь при этом на власть самодержца: царю — сила власти, народу — сила мнения. Именно такая система могла бы, как полагали славянофилы, обеспечить непричастность народа к государственному насилию, его верность духу соборности. Бремя управления и принуждения несла на себе власть. Отсюда — отношение к носителям власти не как к приказчикам, выполняющим поручения хозяина-народа, а как к благодетелям, жертвующим собой во имя интересов народа. Такая власть заслуживает поклонения. Этому соответствует и пришедшая вместе с христианством из Византии концепция «симфонии» духовной и светской власти, наде-

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 69.

ляющая государство религиозной миссией. Однако патриархальная идеализация допетровского самодержавия сочеталась у классиков славянофильства с критикой существующих порядков, с широкой программой преобразований, включающей освобождение крестьян, реформу земских учреждений, образования, суда, отказ от телесных наказаний, цензуры, от преследования староверов. В своей основе это была либеральная политическая платформа, но с одним принципиальным исключением: она не допускала конституции, то есть законодательного ограничения самодержавия.

Последовательный консерватор К. Леонтьев был, по существу, прав, когда писал о ранних славянофилах: «Если снять с них пестрый бархат и парчу богатых идеалов, то окажется под этим приросшее к телу их обыкновенное, серое, буржуазное либеральничание, ничем существенным от западного эгалитарного свободопоклонства не разнящееся». Как ни воспевали славянофилы старорусский быт и старорусское самодержавие, они не могли игнорировать идеи освобождения человека и народа, идущие от западного просвещения и западного либерализма, то есть от «мировых стандартов». Неслучаен диагноз, поставленный Третьим отделением движению декабристов: «Зараза, извне занесенная». В то же время западники при всем своем стремлении отряхнуть прах от ног своих и европеизировать Россию не могли не испытывать завлечения традиций, оторваться от «почвы», игнорировать исторически сложившиеся отношения между народом и властью. Действительность располагала к сближению, а не к соперничеству между идейно-политическими противниками.

Н. Н. Алексееву принадлежит интересная мысль, что западничество в России не сводилось к либерализму Т. Н. Грановского, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и других, что наряду с ним существовало «реакционное западничество» царской бюрократии. Оно «было у нас не теорией, а государственной практикой» и сделало «огромной силой, сумевшей организовать народные массы и долго руководить судьбами государства». Имелся в виду не столько европейский быт высших слоев бюрократии, сколько модернизированные методы управления и манипулирования, которые использовались русским «немецким», как называли его иногда славянофилы, то есть онемечившимся, самодержавием.

Характерно, что в поисках идеологии самодержавная власть вынуждена была, по словам Н. Н. Алексеева, «покрыть себя лозунгами в общем чуждого ей славянофильства»². Действительно разработанная «командой» Николая I в качестве противовождения от западной либеральной заразы теория официальной народности («Православие. Самодержавие. Народность») с формальной точки зрения соответствовала славянофильскому идеалу. Вся разница в том, что в ней не было земского собора, свободы слова и т. п. В последней трети XIX века в результате отказа от либеральных устремлений основателей движения произошло сближение эпигонов славянофильства с идеологией официальной народности. Либеральная тенденция среди

² Алексеев Н. Н. Указ. соч. С. 127.

приверженцев славянофильства угасла, они перешли в стан охранителей самодержавия.

Обе революции 1917 года вдохновлялись не почвенническими, а западными идеями, «мировыми стандартами», Февральская — в их либеральном, а Октябрьская — в радикальном понимании. При этом Февральская революция выдвигала скромную цель — догнать Запад в плане политических преобразований. Она не удержала завоеванных позиций из-за своей трагической запоздалости. Задача Октябрьской революции была гораздо смелее — обогнать Запад, осуществить то, чего он не достиг, указать ему путь. Идея социализма, как и идея демократии, став явлением мирового порядка, все же остается западной по своему происхождению. Но попытка осуществления быстро наполнила ее российским, восточным или, по словам Н. Н. Алексева, евразийским содержанием. Оно сказалось в первую очередь в политической системе, характере власти, отношениях между властью и народом. В. И. Ленин в полемике с К. Каутским подчеркивал, что Республика Советов является национальной особенной чертой русской революции. При всех глубочайших различиях социально-экономического и идеологического плана она довольно скоро продемонстрировала сходство с дореволюционной Россией: концентрация неограниченной власти в руках правящей группы, подавление свободы и инакомыслия, несравненно более последовательное и жесткое, чем при царизме. Атеистическая власть использовала политическую теологию, «светскую религию», сакрализовала идеологию, правящую партию, государство, вождя. Если при царизме реакционное западничество прикрывалось славянофильством, то при реальном социализме универсализм западного происхождения маскировал новое воплощение почвенной политической системы.

Падение советской власти проходило под знаменем свободы. На рубеже 1980–1990-х годов никто не требовал (во всяком случае открыто) покончить с социализмом. Манифестанты стремились к демократии, отмене монополии КПСС на власть. Результатом политической революции стало упразднение советского социализма. Демократическое движение привело к гибели тоталитарного режима, но не к установлению подлинно демократического строя. Несмотря на то что прорыв в области личной свободы был осуществлен, многие худшие свойства прежней политической системы сохраняются и поныне. Учитывая эту технологическую наследственность при новой социальной базе, перефразируя В. И. Ленина, можно ска-

зать, что Россия получила «советскую власть плюс приватизацию всей страны».

Первое постсоветское десятилетие прошло под девизом утверждения мировых стандартов. Ими пронизан текст Конституции РФ 1993 года, содержащий подробный каталог прав и свобод человека, а также демократических принципов. Но Конституция вводит один институт, который трудно признать соответствующим современному международному уровню. Президент страны наделен полномочиями, которые в публицистике и научной литературе иногда сравнивают со статусом всероссийского самодержца. Национальной традиции это не противоречит. Легко критиковать этот институт с демократических позиций. Но трудно избиться от впечатления, что он был проявлением политической мудрости и позволил в какой-то мере стабилизировать обстановку.

Ситуация, в которой оказалась постсоветская Россия, исключала совершенные правовые формы. В стране (как, по оценке М. Вебера, в Германии после Первой мировой войны) остро ощущалась потребность в демократии, но для этого не было необходимых предпосылок. В таких условиях были нужны временные, переходные институты. М. Вебер предлагал плебисцитарную республику, где широкие полномочия главы государства уравнивались бы его сменяемостью по воле народа. Риски такой системы очевидны.

Во втором постсоветском десятилетии произошла определенная идеологическая переориентация. Больше внимания стали уделять не мировым стандартам, а национальным условиям и традициям. Речь идет о российской демократической модели. Принципиально это совершенно правильная установка, полностью соответствующая международному опыту. Вопрос заключается в том, как ее применять, какие традиции культивировать, от какого наследия отказываться.

Вызывают тревогу активизация и поощрение консервативных тенденций, таких как пропаганда монархической формы правления и связанная с нею идеализация российской монархии, принципиальное отрицание революции как одной из важнейших форм общественного развития, нигилизм по отношению к советскому периоду, расцениваемому как национальная катастрофа и выпадение из мировой истории, внедрение религиозного сознания, проповедь неравенства и элитизма. Эти явления не способствуют установлению демократии. Они не только не соотносятся с мировыми стандартами, но и культивируют те свойства национальной традиции, которые в XX веке привели страну к глубочайшим потрясениям.